

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

LINGUISTIC HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-6-100-109>

Взаимосвязь синтаксиса и теории красноречия в российской лингвистической традиции: риторические приемы в грамматиках XVIII–XIX веков

Наталья Викторовна Патроева

*Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия, nvpatr@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>*

Аннотация. В работах по истории русского языкознания стала давно *locus communis* мысль о том, что до начала XIX столетия теория предложения рассматривалась в трудах по теории красноречия, грамматики же русского языка содержали в качестве синтаксического раздела «словосочинение», в котором излагались правила соединения разных частей речи в сочетания, построенные по типу согласования и управления. Это «общее место» историографии синтаксической науки нуждается в актуальном дополнении, а именно в изучении вопроса об обратном влиянии – о том, какова роль первых грамматик русского языка в развитии риторической теории. Анализ грамматических сочинений XVIII–XIX столетий проводится с помощью методов извлечения, комментирования и интерпретации фрагментов, касающихся риторических приемов. В результате проведенного исследования обнаружена тесная связь русских грамматик М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, Н. И. Греча, Ф. И. Буслаева с теорией элокуции, особенно в части рассмотрения фигур речи, а также в разделах о видах периодов и о порядке следования членов предложения. Так, М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» останавливается на примерах «переноса» и «опущения», т. е. инверсии и эллипсиса (пропуска) «частей» предложения. Традиция была развита А. А. Барсовым, который перечисляет и определяет уже девять «синтаксических фигур». Н. И. Греч в «Практической русской грамматике» рассматривает обратное словорасположение, эллипсис, «тождество» (лексический усилительный повтор) и «отступление» от строгого грамматического согласования имен и глагольных форм (силлепс). Ф. И. Буслаев, дополняя свой «Опыт исторической грамматики» в части синтаксиса лексикологическими темами, уделяет особое внимание тропам, демонстрирующим разные направления переноса значений – метафоре, метонимии, синекдохе. Итак, русские лингвисты второй половины XVIII – середины XIX в. стремились дополнить синтаксическую теорию разделом об экспрессивном использовании грамматических ресурсов языка.

Ключевые слова: риторика, история русского синтаксиса, история русских грамматических учений, русская словесность, фигуры речи, тропы, предложение, период

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

Для цитирования: Патроева Н. В. Взаимосвязь синтаксиса и теории красноречия в российской лингвистической традиции: риторические приемы в грамматиках XVIII–XIX веков // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 6. С. 100–109. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-6-100-109>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The interconnection between syntax and the theory of eloquence in the Russian linguistic tradition: rhetorical devices in grammars of the 18th–19th centuries

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, nvpatr@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Abstract. The idea that until the beginning of the nineteenth century the sentence theory was considered in writings about the theory of eloquence has long been a *locus communis* in works on the history of Russian linguistics. Russian grammars contained «*slvosochinenie*» (i. e. syntax) as a syntactic section which stated the rules for connecting different parts of speech into combinations built according to the type of agreement and government. This «commonplace» of syntax historiography deserves a new addition. It is necessary to study the reverse influence issue and answer the question what role the first Russian grammars played in the development of rhetorical theory. The article analyses eighteenth- and nineteenth-century grammatical writings using the methods of extracting, commenting on, and interpreting fragments concerning rhetorical devices. As a result, the study has revealed a close connection between the Russian grammars by M. V. Lomonosov, A. A. Barsov, N. I. Grech, F. I. Buslaev and the theory of elocution. It is particularly true in terms of considering figures of speech, as well as in the sections on the rhetorical period types and the sequence order of the sentence parts. For instance, M. V. Lomonosov in his «Russian Grammar» analyses the examples of «transfer» and «omission», that is, inversion and ellipsis (omission) of sentence «parts». A. A. Barsov, who lists and defines nine «syntactic figures», developed this tradition further. N. I. Grech in his «Practical Russian Grammar» considers reverse word order, ellipsis, «*tozhdeslovie*» / tautology (intensifying lexical repetition) and «deviation» from strict grammatical agreement of names and verb forms (syllepsis). F. I. Buslaev, enlarging the syntactic section in his «Experience of Historical Grammar» with lexicological topics, gives close attention to tropes that demonstrate different ways of meaning transfer, i. e. metaphor and metonymy (for instance, synecdoche). The paper concludes that Russian linguists of the mid-to-late eighteenth and mid-nineteenth centuries aspired to add a section on the expressive use of grammatical language resources to the syntactic theory.

Keywords: rhetoric, Russian syntax history, Russian grammar history, Russian literature, figures of speech, tropes, sentence, period

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

For citation: Patroeva N. V. The interconnection between syntax and the theory of eloquence in the Russian linguistic tradition: rhetorical devices in grammars of the 18th–19th centuries. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2023;84(6):100–109. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-6-100-109>.

Введение. В трудах, посвященных истории русской грамматики, уже сложилась традиция рассматривать российские риторика XVIII – первой трети XIX столетия как источники для современных им и последующих лингвистических построений. Таков, например, подход, представленный в разделе «Ломоносовский период в изучении русского синтаксиса (с середины XVIII до 20-х годов XIX века» в известной монографии В. В. Виноградова «Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)» [Виноградов 1958: 7–133]. В соответствии с этим направлением исследований обычно отмечается, что грамматики XVIII – начала XIX столетия дают нам примеры правил «словосочинения» (т. е. синтаксическая теория ограничивается вопросами связей слов, распространения главных

«частей слова»), а описание предложения представлено именно в риториках периода расцвета теории красноречия, в разделах об элокуции, т. е. слоге и способе изложения, в которых находим характеристики разных типов «периода».

Между тем вполне правомерным представляется и прямо противоположное направление исследовательского вектора – изучение той роли, какую российские грамматики сыграли в развитии риторической традиции, а также поиски ответа на вопрос, какие грамматики служили опорой для авторов трактатов по ораторскому искусству.

Статья посвящена материалу, связанному с отражением риторических приемов на страницах российских грамматик эпохи формирования литературного языка русской нации. Цель статьи – анализ вклада

русских грамматик середины XVIII — первой половины XIX в. в развитии теории элокуции (в сопоставительном плане привлекаются также грамматические труды более раннего и более позднего периода) в то время, когда теория красноречия и теория словесности являлись активно развивающимися областями гуманитарного знания и наряду с грамматикой способствовали формированию лексических и грамматических норм русского литературного языка.

Методы и материалы исследования.

Материалом, выбранным для исследования вопроса о роли русских грамматик в развитии теории красноречия, являются лингвистические сочинения (прежде всего, в части разделов о «словосочинении») Л. Зизания, М. Смотрицкого, В. Е. Адодурова, М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, А. Х. Востокова, Н. И. Греча, Ф. И. Буслаева, К. С. Аксакова, А. А. Потебни. Основные методы анализа, в дополнение к сравнительно-сопоставительному методу, — комментарий к разделам грамматических сочинений, релевантных с точки зрения элокутивной проблематики, и интерпретация роли этих фрагментов в установлении связи синтаксиса и теории фигур речи.

Результаты. Результаты проведенного исследования представляются актуальными на фоне активизации интереса отечественных и зарубежных исследователей к истории риторической науки, к проблеме роли руководств по теории и практике красноречия в становлении норм русского литературного языка и его стилистической системы в России конца XVI — начала XVIII века. В. П. Вомперский отмечал, что «грамматики и риторики — энциклопедии лингвистических знаний своего времени — играют заметную роль в описании литературных языков и в процессах их нормализации» [Вомперский 1988: 171].

Новизна предпринятого исследования заключается в систематизации данных о системе тропов и фигур речи, включавшихся в грамматические описания русского синтаксического строя, и выяснении вопроса о той роли, которую играли российские грамматики в развитии риторической теории.

Русские грамматисты внесли свой важный вклад в риторическую теорию, анализируя переносные значения слов и синтаксис

выразительной речи. Включение параграфов о «фигурах речи» в грамматики русского языка совершалось их авторами вполне последовательно и закономерно в связи с общей логикой построения учебных программ, поскольку русский язык в качестве самостоятельного предмета был введен в практику школьного образования только в конце 1820-х гг.¹, а обучение чтению, письму и основам грамматики с XVII столетия и долгое время еще потом совершалось в тесной связи с курсами поэтики, красноречия и словесности. Учебники по теории словесности содержали разделы, излагающие грамматику и риторику (например, популярные в начале XIX в. «Основания российской словесности» А. Никольского состояли из двух частей, в первой из которых излагались правила грамматики и стихосложения, во второй — риторики [Никольский 1809]). Известный просветитель и автор учебников по теории словесности А. Г. Филонов назвал грамматику «краеугольным камнем» при занятиях словесностью и заметил, что незнание грамматических правил может «навсегда загородить путь к изучению словесности» [Филонов 1878: 4]².

Многие российские грамматисты, включавшие в свои лингвистические сочинения сведения о фигурах слов и предложений, были также и авторами риторических руководств, учебников по теории словесности (М. В. Ломоносов [Ломоносов 1952], Н. И. Греч [Греч 1819–1822], Ф. И. Буслаев [Буслаев 1861]).

Еще одна причина тесного взаимодействия и переплетения риторики и грамматики видится в самой истории терминологического обозначения предложения как синтаксической единицы, которой в XVI в. присваивали обозначение «вѣщание», в XVII в. — «слово», в XVIII в. — «рѣчь», что свидетельствовало об изначальном понимании предложения скорее в качестве риторической категории: «...в обозначении предложения сначала обратили внимание на то, что это — «говорение», т. е. *вещание*» [Колесов 2003: 95], — отмечал В. В. Колесов.

¹ См.: [Гетманская 2012]; см. также: [Черепанов 1951]; [Чертов 1994: 3].

² См. подробнее об А. Г. Филонове: [Телкова 2019].

Обсуждение. Василий Евдокимович Адогуров (1709–1780) — автор первой, дошедшей до нашего времени, к сожалению, только в двух рукописных отрывках «О грамматике вообще» и «Об орфографии», странной русской грамматики, причем написанной на «русском» (в терминах того времени) языке. Поскольку этот труд создавался в 1738–1740 гг., когда В. Е. Адогуров читал в Академическом университете лекции по «русскому» языку и риторике, мы могли бы предполагать, что не сохранившаяся адогуровская грамматика содержала хотя бы отдельные замечания, касающиеся приемов риторического использования лексических и синтаксических единиц для «составления речений». Так, в начале своего труда ученый указывает, говоря о предмете грамматики, что «это такая наука, которая обыкновенную человеческую речь приводит в обыкновенные правила», в том числе «надлежит рассуждать в Грамматике» «о словах соединенных, то есть о целой речи» [Василий Евдокимович Адогуров 2014]. Затем называются В. Е. Адогуровым четыре традиционные, с античных времен выделяемые в грамматических руководствах, части: «Орфография», «Этимология», «Синтаксис» и «Просодия».

В своем уже на немецком языке написанном сочинении «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» («Первые основания русского языка»), созданном еще в бытность его студентом Академического университета между 1729 и 1731 г. и опубликованном в Санкт-Петербурге под эгидой Академии наук в 1731 г. в виде части, инкорпорированной в так называемый «Вейсманнов лексикон» («Немецко-латинский и русский лексикон...»), В. Е. Адогуров не дает никаких рекомендаций относительно риторических приемов, и это означает, очевидно, что описание тропов и фигур речи — все же предмет исключительно теории и практики поэтического искусства и искусства красноречия, т. е. поэтик и трактатов по ораторскому искусству, тем более что к первым трем десятилетиям XVIII в. российская словесность уже обладала целым рядом руководств по риторике, самыми известными из которых были «Риторика» Софрония Лихуда (1698), Михаила Усачева (1699), «Риторическая рука» Стефана Яворского (1705) и «De arte

rhethorica...» Феофана Прокоповича (полное название в переводе с латыни на русский язык звучит не менее торжественно: «Об искусстве риторическом десять книг для просвещения российского юношества, оба вида красноречия изучающего на благо веры и отечества, преподобным отцом Феофаном Прокоповичем преподаанные в Киеве, в знаменитой православной Академии Могилянской в год 1706»).

Показательно в аспекте нашей темы, что Феофан Прокопович, как утверждает Ренате Лахманн, опирался при создании своего риторического курса на универсальную «Граматику Пор-Рояля» 1660 г. Антуана Арно и Клода Лансло (заметим попутно, что блестящий анализ этого новаторского французского сочинения в качестве грамматики не описательного, а объяснительного характера представлен В. М. Алпатовым в «Истории лингвистических учений» [Алпатов 1998]): «Примкнув к взглядам “Grammaire générale”, Прокопович, таким образом, совершил радикальный переворот в области принятого академического понимания языка. В рамках данной концепции... Прокоповичу удалось придать своим поэтическим и риторическим сочинениям статус универсальности» [Лахманн 2001: 163]. В книге IV «О стиле» своей риторики Феофан Прокопович предостерегает риторов от того, чтобы «не натолкнуться на подводные скалы в грамматиках: я имею в виду варваризм и солецизм» [Феофан Прокопович 2020: 202], а также избегать «неправильного гипербата или нескладной перестановки слов» [Там же: 222]. Далее Феофан Прокопович рассуждает о том, как можно распространить мысль в предложении через «много способов, например, подлежащее распространять через определение, сказуемое — путем перечисления и дополнения» [Там же: 213], и рассматривает построение одно-, дву-, трех- и четырехчленных «периодов», их «украшение... с помощью тропов и риторических фигур» [Там же: 238].

Традиция создания российских риторики и грамматик была эффективно продолжена Михаилом Васильевичем Ломоносовым, его «Кратким руководством к риторике...», «Кратким руководством к красноречию» в 1740-е гг. и «Российской грамматикой» в 1755 г. Будучи автором уже

двух риторических трактатов, М. В. Ломоносов, очевидно, считал свой грамматический труд неким их дополнением, а потому в шести наставлениях «Российской грамматики» мы не находим глав, параграфов, где бы упоминались тропы и фигуры речи, связанные со «словопроизводением» или «словосочинением»; также и теория периода представлена исключительно в «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г. Однако некоторые параграфы пятой главы «О сложении знаменательных частей слова» первого наставления ломоносовской грамматики все же содержат некоторые замечания относительно «порядка речений», т. е. словопорядка в предложении. Так, обратное словорасположение М. В. Ломоносов здесь называет «**переносом**» (сопровождаемая примером «тучнеет от росы земля»), а пропуск структурно-семантически необходимых членов предложения — «**опущением**» (пример: «земля тучна от росы» с «выключенным глаголом бывает» [Ломоносов 1952: 419]) — подобных терминов при перечислении «фигур речений» и «фигур предложений» в ломоносовских риториках мы, кстати, не находим, так что некоторое прибавление к риторическим руководствам в «Российской грамматике» все же обнаруживается. В параграфе 86 той же главы находим простое перечисление периодов (1-, 2-, 3-, 4-членных) с прибавлением: «Пространное оных изъяснение и толкование надлежит до риторики» [Ломоносов 1952: 419]. Итак, М. В. Ломоносов настаивает на резком разделении объектов грамматики (наука о правилах употребления слов — «речений») и риторики, дающей образцы составления «речей», «периодов», предложений. Между тем труды грамматистов предшествовавшего XVII столетия Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого (труд последнего, как известно, служил «вратами учености» для будущего ученого-энциклопедиста) включали сведения, касающиеся некоторых вопросов построения текста и даже стихосложения («Грамматика словенская...» Л. Зизания). В книге «Граматики славенския правильное Синтагма...» (1619) М. Смотрицкий уже подчеркивается необходимость разграничивать «синтаксис простой» и «синтаксис образный», т. е. опирающийся на «образ правильного сочинения», как у «искусных

писателей» [Граматики... 2000: 390, 450], в современных терминах — синтаксис формальный и синтаксис стилистический, или поэтический.

До последних двух десятилетий XX столетия не печатавшаяся и известная современникам только по рукописным вариантам³ «Обстоятельная российская грамматика» (1784–1788) Антона Алексеевича Барсова к четырем традиционным разделам прибавляет «Правоизглашение» (орфоэпию, отделяемую от «просодии» как «словоударения») и в части пятой «О словосочинении» содержит главу «О некоторых окрестностях словосочинения» с незавершенным или не дошедшим до нас в полном виде первым параграфом «О Фигурах Синтаксических или Образном словосочинении» московского списка. А. А. Барсов, поклонником которого был Н. М. Карамзин, следовал ломоносовской традиции и стремился приумножить ее в будущих поколениях. Языковед, получивший поручение написать учебную книгу по русскому языку для главных народных училищ от созданной по указу Екатерины II комиссии, хотел завершить свою грамматику неким риторическим руководством, связав, вероятно, впервые в российской грамматической традиции синтаксическую теорию с риторической практикой в едином учебнике. Автор отмечает, что «главные фигуры суть 1. **Умолчание**. 2. **Избыточество**. 3. **Слияние**. 4. **Сложение**. 5. **Осяжение**, и некоторые им подчиненные, как то, <<6. **Сопряжение**>> 7. **Безсоюzie**.

³ С. К. Булич отмечал, что ни один из списков «Обстоятельной российской грамматики» А. А. Барсова «не может назваться полным, так что в настоящем своем виде большая грамматика Барсова до нас не дошла. Оставаясь в рукописи, она не могла иметь особого влияния на развитие нашего языкознания, хотя существование нескольких списков ее указывает до некоторой степени, что ею все-таки пользовались» [Булич 2011: 233]. По мнению Ватрослава Ягича, «этот труд Барсова много бы внес в изучение истории литературного языка XVIII в., если бы был в свое время напечатан в таком же виде, как и краткий его гимназический учебник» [Ягич 2003: 922] — здесь имеются в виду «Краткие правила Российской Граматики, собранные из разных Российских Грамматик в пользу Обучающегося Юношества в гимназиях Имп. Моск. Университета» 1771 г., перепечатывавшиеся восемь раз.

8. **Многосоюзие**, и 9. **Превращение**» [Российская грамматика 1981: 238]. «Умолчание», т. е. «оставление, пропускание или недостаток какого-нибудь слова. Которое удобно сыскать и дополнить можно, либо с стороны догадкой из употребления... либо заимствуя из самой предлагающей речи» [Там же: 239] (один из приводимых А. А. Барсовым примеров: «Дай мне дойти, куда я хочу. пропущено *туда*»). «Бессоюзие» толкуется как «опущение союзов». Под «сопряжением» имеется в виду эллипсис, пропуск компонентов фразы (пример: «*Дети твои учатся языкам. Петр французскому, а Иван немецкому*» [Там же]). «Избыточество... состоит в употреблении излишних слов» [Там же]. Далее следует уточнение: «**Избыточество** союзов сопрягательных... называется *Многосоюзие* <...> **Слияние**... есть перебитый и смешанный порядок слов», например, *Чинить премену что во всем?*» [Там же: 240]. Если предлог «полагается после своего падежа», то наблюдается «**превращение**» [Там же] как частный случай «слияния». Текст рукописи, к сожалению, обрывается на начале дефиниции «**осаждение**»: поскольку есть в скобках указание на латинский аналог — «*Sillepsis*», то можно предположить, что имелось в виду такое явление, как замена грамматического согласования на смысловое (см. далее у Н. И. Греча).

Внимание к риторическому аспекту синтаксиса проявляют и грамматисты пушкинского времени. Так, Н. И. Греч в синтаксическом разделе своей «Практической русской грамматики» 1827 г. выделяет особый параграф для «Фигур Словосочинения», которые «суть изменения обыкновенного изложения и расположения речи для яснейшего или сильнейшего выражения заключающегося в ней смысла... Главнейшие фигуры Словосочинения суть: 1) **опущение**⁴, 2) **тождество**, 3) **отступление** и 4) **извращение порядка слов**⁵» [Практическая русская грамматика 1834: 318].

«**Опущение**», или «**эллипсис**», создается в неполном предложении при пропуске связки *быть* (*есть*, *суть*) в настоящем времени — в 3-м лице иногда, в 1-м и 2-м лицах

«всегда», как комментирует это Н. И. Греч [Практическая русская грамматика 1834: 319]; кроме того, эллипсис наблюдается, по мнению автора, в позиции подлежащего, выраженного именем прилагательным, т. е., в современных терминах, при субстантивации («*в жары не пей холодного (напитка)*» [Там же]); часто опущены бывают личные местоимения: «(*я*) пишу письмо» [Там же], а также иные слова-подлежащие: «*из Парижа (многие, все) пишут об этом*» [Там же]; иногда эллипсис связан с пропуском глагола «с его дополнением: *Воды (подай мне)*!» [Там же].

Н. И. Греч не просто дает определения фигурам и сопровождает их примерами, но объясняет коммуникативную цель субъекта речи, использующего риторические приемы. Говорящий, как поясняет Н. И. Греч, обходит «молчанием неважные части предложения, в намерении выставить в большей силе и важности остальные» [Там же: 320]. «**Тождество**», или «**плеоназм**» как «повторение тех слов или выражений, на которые желаем преимущественно обратить внимание читателя или слушателя» [Там же: 321].

«**Отступление**», или «**силлепсис**», является намеренным отступлением от строгого грамматического согласования. Н. И. Греч иллюстрирует эту фигуру примером из державинской «Оды на рождение порфиородного Отрока»: «**Отроча порфиородно В царстве северном рожден. Родился, и в ту минуту Перестал реветь Борей; Он дохнул, и зиму люту Удалил Зефир с полей» [Там же: 322]. «Здесь подлежащее первого предложения есть имя рода среднего, но поелику оно означает младенца мужского пола, то следующие за ним глагол, местоимение и проч. употреблены в роде мужеском» [Там же]. Далее как частные случаи эллипсиса и плеоназма уже в разделе, посвященном сложному предложению, рассматриваются бессоюзие и многосоюзие [Там же: 321, 376, 382]; здесь же находим описание «простых, или одночленных» и «сложных, или многочленных» периодов. В завершение Н. И. Греч замечает: «Составлением периода оканчивается дело собственной грамматики: дальнейшие средства и правила расположения, выбора и приспособления слов, для выражения мыслей наших, принадлежат к Искусству Красноречия, или Риторике» [Там же: 388].**

⁴ Этот же термин использовал и М. В. Ломоносов в своей грамматике.

⁵ Соответствует «превращению» у М. В. Ломоносова.

Еще одну главу Н. И. Греч посвятит теме «О порядке, или размещении слов», сосредоточившись на словорасположении «естественном», а не «измененном» [Практическая русская грамматика 1834: 389–412], так как именно первое связано с понятием нормы, правилами данного языка, а второе диктуется волей говорящего.

Таким образом, Н. И. Греч в своем сочинении подчеркивает вполне явственно стремление разграничить предметы грамматики и риторики, но уделяет немало внимания фигурам, связанным со структурным преобразованием предложений.

Еще один яркий представитель русского языкознания А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» 1831 г. не касается вопроса о фигурах речи, ограничиваясь перечислением правил составления периодов и рассмотрением правил «размещения слов» [Русская грамматика 1831: 305–340] (нет сведений о риторических приемах и в «Российской грамматике, сочиненной Императорскою Российскою Академией» 1802 г. [Российская грамматика 1802]).

Ф. И. Буслаев строит свой «Опыт исторической грамматики русского языка» только из двух главных разделов — «Этимологии» (или «Словопроизведения») и «Синтаксиса» (или «Словосочинения»). Если первый раздел представляет собой вполне согласующееся с традицией изложение теории частей речи, то в «Синтаксисе» мы находим новаторское композиционное решение: сначала автор предлагает рассуждение о составляющих предложение словах и их значениях — прямых и переносных. В этой связи излагается материал о тропах — эпитете, метафоре, метонимии и синекдохе [Буслаев 1958: 289–313] (правда, Константин Сергеевич Аксаков в критике буслаевского «Опыта» замечал, что «речь со всеми оттенками, метафора... это дело риторики», а не синтаксиса [Аксаков 1875]). Напротив, раздела о фигурах предложения или хотя бы теории периода Ф. И. Буслаев не дает. Завершается «Опыт исторической грамматики русского языка» параграфом о порядке слов с историческим комментарием о влиянии древнегреческих, латинско-немецких и французских образцов на становление структуры русского предложения. Таким образом, у Ф. И. Буслаева мы видим попытку выделения лексикологии

как одного из разделов науки о языке, который станет частью лингвистической науки только в XX в., согласно исполнившемуся пророчеству И. А. Бодуэна де Куртенэ.

С ослаблением интереса к созданию риторических трактатов во второй половине столетия началась разработка курсов теории словесности, ставших предвестниками будущих самостоятельных научных и учебных дисциплин — стилистики и лингвистики текста, стилистики художественной речи, лингвопоэтики. Так, главный оппонент логико-грамматического направления А. А. Потебня создаст два главных цикла своих работ — «Из записок по русской грамматике» и «Из записок по теории словесности». Если в первом произведении мы находим написанный в историческом и психологическом аспектах очерк морфологии и синтаксиса, во второй труд намечает многогранную проблематику еще не сложившихся (оформившихся гораздо позднее — не ранее второй половины XX века дисциплин) лингвопоэтики и стилистики текста. А. А. Потебня размышляет над терминами *слово, образ, значение, внутренняя и внешняя формы, типология тропов* — метафоры, метонимии, синекдохи, эпитета, сравнения, иронии и гиперболы.

Более детальный сопоставительный анализ других грамматик, трактатов по теории и практике красноречия и словарей эпохи становления национального русского литературного языка, с учетом влияния западноевропейской лингвистики на российскую грамматическую традицию, позволит в будущем представить более многомерно и разнопланово проблему взаимодействия и взаимовлияния синтаксических и риторических штудий.

Одним из потенциальных направлений разысканий в области историографии русской синтаксической науки видится и лингвориторический анализ грамматических сочинений в аспекте использования того или иного приема экспрессивной речи самими их авторами.

Выводы. Итак, анализ главных грамматических сочинений русских языковедов XVIII–XIX вв. в аспекте их связи с риторической теорией позволяет прийти к следующим выводам.

1. Становление российской риторической традиции, тесно связанной в своем

становлении с античной и новоевропейской теорией красноречия и поэтического искусства, началось раньше, чем были написаны вполне оригинальные грамматики русского языка, поэтому отсутствие хорошо разработанной лексической и синтаксической науки, а также лингвистической терминологии еще долгие десятилетия отчасти восполнялось теорией тропов и фигур речи, в том числе описанием периода, представленным в трактатах по риторике. Сведения о фигурах речи в грамматиках заменяли многие синтаксические разделы, классификационные рубрики, создание которых было еще делом будущего: так, примеры «опущений», «эллипсисов», «умолчаний», «стяжений» давали представление о том, что будет позднее названо «контекстуально или ситуативно неполным предложением», «эллиптической конструкцией»; рассуждения о «силлепсе», «осаждении», «отступлении» фактически положили начало теории смыслового согласования (семантической координации) главных членов предложения; анализ «бессоюзия», «многосоюзия», типологии «периодов» создали предпосылки для формирования теории предложения; внимание к фактам «переноса», «слияния», «превращения», «тождествов» позволили лингвистам XX столетия выйти за рамки формально-грамматического описания «словосочинения» в область актуального членения высказывания и экспрессивного синтаксиса.

2. Первые русские грамматики содержали раздел о «словосочинении», в рамках которого по преимуществу разбирались правила построения сочетаний частей и частиц речи, между тем как теория простого и сложного предложения по-прежнему была предметом риторики. Однако полного отрыва грамматик от риторики и к пушкинскому периоду еще не произошло, грамматика, подобно риторике, оставалась синтетической наукой: уже у А. А. Барсова и Н. И. Греча выявляется стремление к описанию разных видов стилистических приемов, связанных со структурной трансформацией предложений, — «фигур речи», но не «фигур мысли», стремление грамматики освоить понятие, сложившееся гораздо раньше и вне ее рамок. Ф. И. Буслаеву теория тропов помогла в разработке вопросов лексикологии.

3. Постепенное становление грамматического учения, развитие грамматических школ в России XIX в. привели к более четкому разделению объектов грамматики и риторики. Между тем еще и во второй половине XX в. многие вузовские учебники по синтаксису будут содержать раздел о «периоде».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К. С. Критический разбор опыта исторической грамматики русского языка Ф. Буслаева. Москва, 1858 года. 2 части // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 2. М.: В Университетской тип., 1875 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1858_kriticheskij_razbor_olderfo.shtml (дата обращения: 21.08.2023).
2. Аллатов В. М. История лингвистических учений: учеб. пособие. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1998. 367 с.
3. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России: XIII–XIX вв. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 1104 с.
4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1958. 626 с.
5. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1861. Т. I. 643 с.; Т. 2. 429 с.
6. Василий Евдокимович Адодуров: «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache», или «Первые основания русского языка» / отв. ред. К. А. Филиппов, С. В. Волков. СПб.: Нестор-История, 2014. 256 с.
7. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М.: Изд-во Московского университета, 1958. 400 с.
8. Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 180 с.
9. Гетманская Е. В. Гимназический устав 1828 года: особенности и нормативы формирования курса словесности // Русская словесность. 2012. № 5. С. 62–68.
10. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во МГУ, 2000. 528 с.
11. Греч Н. И. Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе: С присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности: в 4 ч. СПб.: В типографии издателя, 1819–1822. Ч. I. 1819. 400 с.; Ч. II. 1820. 442 с.; Ч. III. 1820. 363 с.; Ч. IV. 1822. 663 с.

12. Колесов В. В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2003. 472 с.

13. Лихманн Р. Демонтаж красноречия: Риторическая традиция и понятие поэтического / пер. с нем. Е. Аккерман, Ф. Полякова. СПб.: Академический проект, 2001. 367 с.

14. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 7. С. 89–318.

15. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 7. С. 389–578.

16. Никольский А. С. Основания российской словесности: в 2 ч. 2-е изд., вновь пересм. и испр. СПб.: В Морской типографии, 1809. 178 с.

17. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. 2-е изд., испр. СПб.: В типографии издателя, 1834. 526 с.

18. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / подгот. текста и текстол. коммент. М. П. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: Изд-во МГУ, 1981. 776 с.

19. Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской академией. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1802. 355 с. [Электронный ресурс]. <http://elibrary.ru/nodes/68843-rossiyskaya-grammatika-sochinennaya-imperatorskoj-rossiyskoj-akademii-spb-1802> (дата обращения: 22.08.2023).

20. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 408 с.

21. Телкова В. А. А. Г. Филонов — педагог, теоретик словесности и русский писатель // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 2. С. 47–52. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-47-52>.

22. Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.

23. Филонов А. Г. Учебник по словесности: 1, 2, 3. Стилистика. Теория прозы. Теория поэзии: для сред. учеб. заведений. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1878. 285 с.

24. Черепанов С. А. Учебные планы общеобразовательной школы в дореволюционной России // Известия АПН РСФСР. М., 1951. Вып. 33. С. 151–209.

25. Чертов В. Ф. Русская словесность в дореволюционной школе. М.: МПГУ, 1994. 245 с.

26. Ягич И. В. История славянской филологии. М.: Индрик, 2003. 960 с.

REFERENCES

1. Aksakov K. S. Critical analysis of «Experience in the historical grammar of the Russian language» by F. Buslaev. Moscow, 1858. In 2 parts. *Aksakov K. S. Poln. sobr. soch. T. 2. = Complete works. Vol. 2.* Moscow: University type, 1875. [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1858_kritichesky_razbor_oldorfo.shtml (accessed: 21.08.2023). (In Russ.)

2. Alpatov V. M. History of linguistic teachings: textbook. Moscow: Languages of Russian culture: Koshelev, 1998. 367 p. (In Russ.)

3. Bulich S. K. Essay on the history of linguistics in Russia: XIII–XIX centuries. 2nd ed. Moscow: Librom, 2011. 1240 p. (In Russ.)

4. Buslaev F. I. Historical grammar of the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 626 p. (In Russ.)

5. Buslaev F. I. Historical essays on Russian folk literature and art: in 2 vols. Saint Petersburg: D. E. Kozhanchikov, 1861. (In Russ.)

6. Vasily Evdokimovich Adodurov. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache», or «The first foundations of the Russian language». Ed. by K. A. Filippov, S. V. Volkov. Saint Petersburg: Nestor-History, 2014. 256 p. (In Russ.)

7. Vinogradov V. V. From the history of studying Russian syntax (from Lomonosov to Potebnja and Fortunatov). Moscow: Moscow University Press, 1958. 400 p. (In Russ.)

8. Vompersky V. P. Rhetorics in Russia in the 17th–18th centuries. Moscow: The science, 1988. 180 p. (In Russ.)

9. Getmanskaya E. V. Gymnasium charter of 1828: features and standards for the formation of a literature course. *Russkaya slovesnost = Russian literature*. 2012;(5):62–68. (In Russ.)

10. Grammar books by Laurentius Zizanius and Meletius Smotritsky. Moscow: Moscow University Press, 2000. 528 p. (In Russ.)

11. Grech N. I. A textbook of Russian literature, or Selected passages from Russian works and translations in verse and prose: With the addition of brief rules of rhetoric and literature, and the history of Russian literature: in 4 parts. Saint Petersburg: At the publisher's printing house. 1819–1922. P. I. 1819. 400 p.; P. II. 1820. 442 p.; P. III. 1820. 363 p.; P. IV. 1822. 663 p.

12. Kolesov V. V. History of Russian linguistics: essays and studies. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press. 2003. 472 p. (In Russ.)

13. Lachmann R. Dismantling eloquence: Rhetorical tradition and the concept of poetic. Trans. by E. Akkerman, F. Polyakova. Saint Petersburg: Academic project, 2001. 367 p. (In Russ.)

14. *Lomonosov M. V.* A brief guide to eloquence. *M. V. Lomonosov. Polnoe sobranie sochineniy: v 11 tomakh. T. 7 = Complete works: in 11 volumes. Vol. 7.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. P. 89–318. (In Russ.)
15. *Lomonosov M. V.* Russian grammar. *M. V. Lomonosov. Polnoe sobranie sochineniy: v 11 tomakh. T. 7 = Complete works: in 11 volumes. Vol. 7.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. P. 389–578. (In Russ.)
16. *Nikol'sky A. S.* Foundations of Russian literature: in 2 parts, 2nd ed., rev. and corr. Saint Petersburg: Marine Printing House, 1809. 178 p. (In Russ.)
17. Practical Russian grammar, published by Nikolai Grech. 2nd ed., rev. Saint Petersburg: At the publisher's printing house, 1834. 526 p. (In Russ.)
18. Russian grammar by Anton Alekseevich Barsov. Preparation of the text and textual commentary by M. P. Tobolova; ed. and with a preface by B. A. Uspensky. Moscow: Moscow University Press, 1981. 776 p. (In Russ.)
19. Russian grammar composed by the Imperial Russian Academy. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1802. 355 p. [Electronic resource]. URL: <http://elibrary.ru/nodes/68843-rossiyskaya-grammatika-sochinennaya-imperatorskoy-rossiyskoy-akademiiy-spb-1802> (accessed: 22.08.2023). (In Russ.)
20. Russian grammar of Alexander Vostokov, according to the outline of his Abbreviated Grammar, more fully presented. Saint Petersburg: Printing House I. Glazunova, 1831. 408 p. (In Russ.)
21. *Telkova V. A. A. G. Filonov:* Teacher, theorist of literature and Russian writer. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2019;80(2):47–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-47-52>.
22. Feofan Prokopovich. Ten books on the art of rhetoric. Trans. by G. A. Stratanovsky; ed. by S. I. Nikolaev. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2020. 488 p. (In Russ.)
23. *Filonov A. G.* Textbook on literature: 1, 2, 3. Stylistics. Prose theory. Theory of poetry: textbook. *Sochineniya Andrey Filonov = Essays by Andrey Filonov.* Saint Petersburg: Printing House of I. Glazunova, 1878. 285 p. (In Russ.)
24. *Cherepanov S. A.* Curricula for secondary schools in pre-revolutionary Russia. *Izvestiya APN RSFSR = News APS RSFSR.* Moscow, 1951. Iss. 33. P. 151–209. (In Russ.)
25. *Chertov V. F.* Russian literature in the pre-revolutionary school. Moscow: MSPU, 1994. 245 p. (In Russ.)
26. *Yagich I. V.* History of Slavic philology. Moscow: Indrik, 2003. 960 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка

Natalia V. Patroeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Russian Language Department

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 18.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 18.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.